

РУНЕ БЕЛСВИК

ПРОСТОДУРСЕН
ЛЕТО
и кое-что
ещё

Лучшая новая книжка

Руне Белсвик

Простодурсен Лето и кое-что еще

«Самокат»

1992, 1993, 2003

Белсвик Р.

Простодурсен Лето и кое-что еще / Р. Белсвик — «Самокат»,
1992, 1993, 2003 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-91759-546-7

Перед вами – долгожданная вторая книга о полюбившихся жителях Приречной страны. Повседневная жизнь всех шестерых – наивного Простодурсена, надёжного Ковригсена, неугомонной Октавы, непутёвого Сдобсена, вредного Пронырсена и Утёнка, умеющего отыскивать необычные вещи со смыслом, – неспешна и подробна. В этом завораживающем мире то ли сказки, то ли притчи времена года сменяют друг друга, герои ссорятся и мирятся, маются от одиночества и радуются праздникам, мечтают о неведомой загранице и воплощают мечту о золотой рыбке...

ISBN 978-5-91759-546-7

© Белсвик Р., 1992, 1993, 2003

© Самокат, 1992, 1993, 2003

Содержание

Информация от издательства	6
Простодурсен и великий приречный театр	8
Если пекарь в душе поэт, то в пекарне порядка нет...	9
Вопросы Утёнка летят как с деревьев листва – у Простодурсена кругом идёт голова...	12
Утка спешит улететь на юг, нужен для этого хитрый трюк...	15
Если дров не осталось вообще, ищи себе дерево по душе...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ру́не Белсвик

Простодурсен Лето и кое-что еще

RUNE BELSVIK
DUSTEFJERTEN

Для младшего школьного возраста

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

Dustefjerten og det store bekketeateret (Copyright © Cappelen Damm AS 1992)

Dustefjerten og den store gullfiskjakta (Copyright © Cappelen Damm AS 1993)

Dustefjerten og den store sommarferieturen (Copyright © Cappelen Damm AS 2003)

© Ольга Дробот, перевод, 2016

© Варвара Помидор, иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательский дом «Самокат», 2016

Информация от издательства

Перед вами – долгожданная вторая книга о полюбившихся жителях Приречной страны. Повседневная жизнь всех шестерых – наивного Простодурсена, надёжного Ковригсена, неугомонной Октавы, непутёвого Сдобсена, вредного Проньрсена и Утёнка, умеющего отыскивать необычные вещи со смыслом, – неспешна и подробна. В этом завораживающем мире то ли сказки, то ли притчи времена года сменяют друг друга, герои ссорятся и мирятся, маются от одиночества и радуются праздникам, мечтают о неведомой загранице и воплощают мечту о золотой рыбке...

Простодурсен и великий приречный театр

Если пекарь в душе поэт, то в пекарне порядка нет...

Есть где-то, не знаю где, гора с дверью. Кто её отыщет и проникнет внутрь, окажется в пекарне Ковригсена. И знаешь, если ты друг своему носу, отведи его в эту пекарню – он тебе спасибо скажет. Уж очень вкусно там пахнет – тёплыми коврижками и книжками. Сколько носов сюда ни приводили, все просились остаться в пекарне навсегда. Ещё бы, о таком месте любой нос только мечтать может.

Когда ты будешь искать гору и смутишься, туда ли попал, вспомни верную приметку: под вырубленным в горе окном стоит пара башмаков. Хочешь узнать, что они там делают, да? Тогда читай дальше, вот что я тебе скажу.

История началась так: Ковригсен сидел в своей пекарне в горе и тайком от всех сочинял стихи.

Лист на дереве дрожит.
Лодка на боку лежит.
Осень в небе дребезжит, –

писал он. Лодок у него не было, но он обожал вставлять их в стихи. И когда Ковригсен спал в обнимку с чаном, в котором бродило тесто, ему часто снились лодки. Жёлтые или синие лодки скользили в его снах по большим чёрно-синим морям с золотыми рыбками.

Ковригсен отложил карандаш и прищурился. Стихи ему нравились, хотя чего-то в них не хватало. Может, ветра? От ветра всё приходит в движение. Жалко, что стихи о ветре не сочинились.

Он встал и спрятал листок со стихами в кассу, в ящик с деньгами. Здесь самый надёжный тайник. В кассу никто чужой носа не сунет.

Ковригсен взял с прилавка коврижку и пошёл к двери. Едва он открыл её, как в пекарню ворвался новый день с журчанием реки, бликами света и резким запахом мокрой травы. Коврижка оказалась правильная – верная пропорция муки, воды и хруста.

Он вышел за порог. Посмотрел на речку, что мирно текла сквозь их Приречную страну в море. Осень уже накидала в неё листьев и какого-то сора.

С их речкой однажды случилась история: она пропала. К счастью, это было давно и в другой книжке.

Было слышно, как дятел долбит дом Простодурсена. Дом стоял ниже по склону, а Простодурсен наверняка ещё спал. Иначе бы он уже трудился на берегу – булькал в реку камешки. День как раз для бульканья: по всему лесу, как отара овец, белеют хлопья тумана. Они придавили все звуки, кроме плеска реки. Так что бульканье будет слышно на всю округу. Дятел увлечённо долбил, но из дома никто не выходил.

«Как просто они живут – у кого не болит голова о тесте, – подумал Ковригсен. – Могут спать сколько захотят, не тревожась, что тесто перебродит».

«Ветер, ветер, – подумал Ковригсен дальше. – Ветер голову кружит, ветер в ухе верещит. Всё-таки не хватает в стихах ветра, он же с осенью заодно».

Он попробовал засунуть ветер в стихи.

Ветер дует с чёрных гор,
закачался тёмный бор.
А мы вылезем из нор
всем ветрам наперекор.

Вроде неплохо получается: ветер загоняет всех по домам, а они наперекор ему идут гулять.

Ковригсен опрометью кинулся в дом, к ящику под кассой. Проехался на скользкой муке и стал нашаривать в ящике карандаш. Наконец нашёл и бумагу, и карандаш, но тем временем слова выскочили из головы. Э-эх. Слишком много в ней всего понапихано, огорчился Ковригсен. Куча рецептов. Мешки муки. Коврижки. Не голова, а чан с тестом, где уж тут стихи запомнить.

Посреди его огорчения дверь распахнулась, и ввалился не новый день, но Октава в огромной шляпе. Сразу было видно, что от её прекрасного настроения добра не жди. Двигалась она с быстротой паровоза.

– Приветик, приветик, добрейший денёк! – зашебетала Октава.

Больше всего Ковригсену хотелось выставить её за дверь и остаться одному. Но если ты живёшь с продажи коврижек, ты не можешь выгонять покупателей всякий раз, как у тебя испортится настроение.

– Привет, – сказал он. – Тебе как всегда – три ковриги и стакан сока из кудыки?

– Ну вот, – трагически сказала Октава и замерла посреди пекарни.

– Что такое? – удивился Ковригсен. – Что не так?

– До чего неприятный звук, – сказала Октава.

– Где?

– Здесь. Так нудит хмурый мастер коврижек.

– Да? Так ты не за коврижками пришла?

– Я шла за коврижками, пока не открыла дверь.

– А теперь передумала?

– Что с тобой такое? – без обиняков спросила Октава.

– Со мной ничего, – ответил Ковригсен. – Я весь в муке, и всё как обычно.

– Ты опять взялся за стихи?

– Какие стихи? Вот глупости.

– Мне три коврижки и стакан сока из кудыки, пожалуйста.

– Ну вот видишь!

– А это что такое? – Октава взяла листок, куда Ковригсен собирался дописать строчки, которые потом забыл.

– Не трогай, это рецепт, – сказал Ковригсен.

– Не говори глупости! – возмутилась Октава. – Думаешь, я не могу отличить рецепт от стихотворения? Что за ерунда.

– Вот именно – это просто ерунда, – подхватил Ковригсен.

– А ты говорил, что это рецепт.

– Приятного аппетита, – ответил Ковригсен и поставил поднос с соком и коврижками на старый крепкий стол в центре пекарни.

Октава встала рядом и запела, держа в руках листок со стихотворением:

Лист на дереве дрожит.

Лодка на боку лежит.

Осень в небе дребезжит.

– Пф, – фыркнул Ковригсен.

– Неплохо, – сказала Октава, – хотя чего-то не хватает. Кто-то пошёл в поход и спрятался в лодке, например. В лодке они укрылись и слезами залились... Но даже без этого стихи вовсе не так плохи, чтобы ты ходил мрачнее тучи.

Октава положила листок на место, села за стол и захрустела коврижкой. Это были единственные звуки в пекарне: коврижка хрустела на зубах, и сок лился Октаве в рот.

– Знаешь, что я хочу сказать? – вдруг заговорила она. – У нас тут чего-то очень важного не хватает. Оглянись вокруг. Простодурсен спит. Сдобсен ругает погоду. Пронырсен ест одни сухари. Ты хмуришься и куксишься, как перекишее тесто. Значит, нам чего-то не хватает. Такого, чтобы согрело душу и сердце. Короче, нам не хватает театра.

– Театра?!

– Коврижка, кстати, хорошая.

– Спасибо.

– Корочка как надо и тесто тоже.

– Спасибо.

– Ты собираешься киснуть весь день?

– Киснуть? Я только и делаю, что говорю спасибо.

– Ну ладно, хорошо. Тогда мы сразу займёмся спектаклем.

– Каким спектаклем?

– Для театра. Раз нам его не хватает.

– Нам всего хватает.

– Вот как? И где же у нас театр? Когда ты был в нём последний раз?

– Какой последний раз? У нас вообще театра нет.

– Вот именно. Я же говорю – нам не хватает театра.

– Я не заметил, что нам его не хватает.

– Ты не устаёшь всё время быть таким противным? Если ты сейчас же не начнёшь улыбаться, то...

– Что?

– То я уйду.

– Скатертью дорожка.

– Фу-у. И это пекарь?! Ай-ай-ай. Пойду я лучше к Простодурсену, с ним хоть поговорить можно как с человеком.

– Он спит.

– Подумаешь! Я его разбужу. Спящего можно разбудить, а вот хмурому и злющему лучше пойти поспать.

Она вскочила со стула и выбежала прочь.

Ковригсен стал прибираться. Октава насвинячила будь здоров как, крошки белели и вокруг подноса, и около стула. Но под столом было темно как ночью.

Пока Ковригсен, сидя на корточках, собирал крошки под столом, в голову ворвались такие слова:

В небе мокро и темно,
тень ложится на окно.
Сохнут звёзды при луне,
сосчитать их трудно мне.

Он вскочил, чтобы догнать Октаву и улыбнуться ей. Прекрасный стишок вернул ему радость. Но, выпрямляясь, он со всей силы стукнулся головой о стол. Слова опять перепутались, а Ковригсен скрючился под столом, пережидая боль.

Вопросы Утёнка летят как с деревьев листва – у Простодурсена кругом идёт голова...

На самом деле Простодурсен вовсе не спал. Он давно проснулся и сидел в раздумьях за столом. Раньше его будил дятел. Но теперь в доме завелись другие птицы, и от их методов побудки Простодурсен вскакивал как ужаленный ни свет ни заря. У него жили Утёнок и его мамаша-утка. Сначала они плавали в канаве у дома. Но потом вечера стали холодными, и гости попросились в дом. Как-никак Утёнок появился на свет в кровати Простодурсена. Впрочем, это тоже случилось давно и в другой книжке.

Вечерами Утёнок сидел на подоконнике, смотрел в небо и не давал Простодурсену спать своими бесконечными вопросами.

– А ты не думаешь, что вокруг яйцо? – как-то вечером спросил Утёнок.

С появлением в его жизни Утёнка Простодурсен понял, что многого не знает. Он привык считать себя умным, но вопросы Утёнка всё чаще ставили его в тупик.

– Яйцо? – удивился Простодурсен. – Вокруг чего?

– Вокруг всего – дома, речки, горы с пекарней. Мы едим пудинг мисками и скоро вырастем большими, упрёмся в скорлупу, она раз – и лопнет. И мы окажемся в новом месте.

– Может и так получится, – кивнул Простодурсен. – Звучит интересно.

– А почему одно интересное, а другое – скучное? – подхватил Утёнок.

– Наверно, чтобы мы чувствовали разницу.

– Да? – с сомнением спросил Утёнок и прищурил глазки, наставленные на луну. – А луна почему круглая?

– Устал я, – ответил Простодурсен. Стоило ему услышать такой вопрос, как в голове у него начинало зудеть.

– А почему, – не сдавался Утёнок, – почему луна не такая, как окно, например?

– Спроси у тех, кто её делал.

– А кто её делал?

– Не знаю.

– Может, Ковригсен?

– Всё может быть.

– А как он её поднял так высоко наверх?

– Тсс, – изредка шикала на него мамаша-утка. Она стояла у печки и ждала, пока та раскалится.

– Да, – подхватил Простодурсен, – тсс. Нам надо поспать.

– Почему надо?

– Потому что мы устали.

– Я не устал, – ответил Утёнок. – Я хочу узнать, почему луна такая ужасно круглая.

И так без остановок. До глубокой ночи. А стоило Простодурсену заснуть, как он тут же просыпался оттого, что его щиплют за ухо. Это Утёнок спешил сообщить, что уже утро, луны нет, его пора кормить.

И вот они все втроем сидят перед миской с пудингом.

– Кряк-кряк, – сказала мамаша-утка.

– Кляк! – подхватил Утёнок.

– Ох, устал я, сил нет, – жалобно простонал Простодурсен.

Они мёрзли. Они уже сожгли все припасённые дрова, а зимой ещё и не пахнет. Простодурсен сроду столько дров не изводил. А всё эти утки. У них и пух, и перо, и перепонки, а они только мёрзнут и требуют поддать жару.

– Сегодня пойдём за дровами, – сказал Простодурсен. – А то зима грянет, а у нас ни полешка.

– Зима – это что у нас будет? – спросила мамаша-утка.

– Это такое время, когда холодно и снег, – объяснил Простодурсен.

– Снег? – сразу спросил Утёнок.

– Снег белый и падает на голову, – сказал Простодурсен.

– Вот это да! – восхитился Утёнок. – Повеселимся!

– Я думала сегодня откланяться, – сказала мамаша-утка.

– Как так? – не понял Простодурсен.

– Отправиться на юг.

– Юг – это что? – спросил Утёнок.

– Ничего особенного, просто место, – ответила мамаша-утка. Она стёрла пудинг со своего большого клюва и подошла к окну. – Здесь я ужасно мёрзну. А я уже не юное создание. Мне показаны покой и тепло.

– А разве утки улетают на юг? – удивился Простодурсен. – Я думал, улетают только дрозды, ласточки, кукушки, жаворонки и другие певуны.

– Жизнь преподносит нам сюрпризы, – сказала мамаша-утка. – Представить страшно, сколько яиц я снесла. Сколько гнёзд построила. В этом году я хочу на юг: отдыхать, купаться в голубом бассейне и пить лимонад через трубочку.

– И охота тебе тащиться в такую даль, – сказал Утёнок. – Здесь у тебя и речка, и пекарня.

– Молод ты ещё, – ответила мамаша-утка.

– И последыша своего возьмёшь? – спросил Простодурсен.

– Коли я возьму с собой всех своих детей, то неба не будет видно. У нас, уток, всё по-другому. Мы помогаем птенцам выбраться из гнезда и учим их плавать, дальше пусть сами ищут свою дорогу.

– Вот именно, – кивнул Утёнок. – Я уже нашёл. И сам могу дойти до пекарни Ковригсена. И меня совершенно не тянет на этот ваш юг – сто миль крюк. Фу, как противно слово юкается.

– Да уж да, – протянул Простодурсен. – Жизнь преподносит нам сюрпризы. Счастливого тебе пути.

Он был не в восторге. И уже представил себе долгие зимние вечера с Утёнком. Как тот желает немедленно узнать, почему луна круглая. И как дёргает его за ухо на рассвете. От этого он уже устал...

Но, с другой стороны, всё ведь может измениться к лучшему. Вдруг зимой Утёнок будет быстрее уставать и раньше засыпать по вечерам?

– Да-да, – пробубнил Простодурсен, – вот ведь как оно всё...

– Как? – спросил Утёнок.

– Не надоедай ему пока, – сказала мамаша-утка. – У него от твоих вопросов ухо распухло.

Обошлось без слёз и трогательных сцен. Утки это просто делают. Скажут «улетаю» – и улетают, только их и видели. Так же было бы и с мамашей Утёнка, не полюби она пудинги Простодурсена всей душой и телом. На них мамаша до того раздобрела, что просто взмахнуть крыльями и взлететь уже не могла.

– Так, – сказала она Простодурсену, – похоже, мне помощь нужна. Нет ли тут какой горы? Ты бы подпихнул меня наверх, а уж оттуда бы я с ветерком помчалась.

– С горами у нас проблем нет, – ответил Простодурсен. – На любой вкус имеются, только нужно до них дойти.

Утка принялась рассказывать о юге всё, что слышала от перелётных птиц. Простодурсен пропускал рассказ мимо ушей. Он смотрел на пустую миску из-под пудинга и думал о дровах.

Придётся идти за ними в лес, рубить, а то печка холодная уже несколько дней, и сам Простодурсен насквозь холодный, как камешек с речного дна.

Тут отворилась дверь, и вошла Октава.

– Какая прелесть! – умилилась она. – Настоящая семейная идиллия. Только театра не хватает, чтобы зимой жизнь бурлила как летом.

– Театра? – крикнул Утёнок. – Он съедобный?

– Ну ты прелесть! – сказала Октава.

– Все слышали?! – громко спросил Утёнок. – Я прелесть, а вовсе не надоеда и приставала.

– Простодурсен, что с тобой? Ты, что ли, такой же хмурый, как Ковригсен?

– А он хмурый?

– Да, и вид кислый, как у прокисшего теста.

– Я не хмурый, нет. Просто мне надо затолкать утку на гору, нарубить дров, сделать пудинг, объяснить, почему луна круглая... Вот если у меня выдастся свободный денёк, то я смогу побулькать камешки в реку. Только свободным деньком до весны не пахнет.

– Ну и страна, – вздохнула Октава. – Все мрачные, сердитые, никто не смеётся. Нам немедленно нужен театр.

– Вот именно, – согласилась утка. – И я сегодня улетаю на юг.

– На юг? – удивилась Октава. – Только мы затеяли театр, а вы...

– Кряк-кряк, – ответила утка. – Где ваша гора? Надо мне улететь, покуда я опять пудинга не наелась.

Утка спешит улететь на юг, нужен для этого хитрый трюк...

Октава и Простодурсен тащили утку, посадив её в перевернутую табуретку. Утке надо было экономить силы для долгого перелёта. Утёнок вприпрыжку мчался следом и без умолку спрашивал про всё, что попадалось ему на глаза и под ноги.

– Да, – говорил Простодурсен, – это сосновая шишка. Это кудыка. Понарошка. Иголка. Да. Да. Нет, не надо лизать муравейник. Не суй в рот мухомор. Оставь в покое мышь, она завтракает.

В лесу раздавался стук. Это Пронырсен рубил дерево своим огромным топором.

– А вон проныра – в попе дыра! – завопил Утёнок.

– Тсс, – шикнул на него Простодурсен.

– Проныра, съешь кефира! – не унимался Утёнок.

– Тсс, – снова шикнул Простодурсен.

– Три ха-ха! – захохотал Пронырсен. – На руках мамашу носите? Ну вы даёте! Фуф ты!

– Она на юг собирается, – объяснил Простодурсен, – хочет отдохнуть.

Утка дремала, сунув голову под крыло, и ничего не слышала.

– Нам надо ей помочь, – объяснил Простодурсен.

– А потом будем готовить спектакль, – добавила Октава.

– А тебя не возьмём, – ввернул Утёнок.

– Вечно ты придумаешь незнамо что, – сказал Пронырсен Октаве. – А этот вообще без дров остался. Будет зимой дрыжиков выдавать, – кивнул он на Простодурсена.

– Я снова нарублю.

– Когда ж ты успеешь? Тебе надо пудинг делать и камни булькать. Ладно, гуляйте, заболтался я с вами, а мне нужно это дерево на дрова изрубить.

Они потащились к горе неподалёку. За спиной у них стучал топор Пронырсена, а в табуретке, как большой пудинг, колыхалась утка.

Небо затянуло чёрными тучами. Того гляди хлынет дождь. А там и до снега недалеко. А его лучше встречать в доме с дровами, полагал Простодурсен.

Но сначала надо затащить на гору эту тяжеленную утку, чтобы толстухе разбег взять. Ей от забот пора на юг...

Теперь они шли в гору. Тропинка поднималась круто, продираясь сквозь деревья и кусты. То и дело приходилось останавливаться, чтобы перевести дух и утереть пот.

Утёнок проявил смекалку и тоже залез на табуретку.

– Шире шаг! – сказал он.

– Угу, – ответил Простодурсен.

– Театр – что такое?

– Чудо, – сказала Октава.

– Чудо – что такое?

– Театр, ты же слышал, – сказал Простодурсен.

Пошёл дождь. К счастью, Октава была в своей огромной шляпе с широкими полями, и они все укрылись под ней. Стояли, тесно прижавшись, и смотрели вниз на свою красивую страну и бурлящую сейчас речку.

– Просыпайся, пора, – сказал Простодурсен.

– Что? – спросила утка.

– Мы уже на вершине горы.

– А-а. Теперь запусти меня.

– Запустить тебя? – Октава от изумления разинула рот.

Утка перегнулась через перекладину перевернутой табуретки и глянула вниз.

– Ой, – сказала она, – да тут высоко.

– Высоко? – в свою очередь изумился Простодурсен. – Разве ты не летающая утка?

Дождь лил как из ведра. Они стояли на краю обрыва, смотрели на мир внизу и слушали топор Пронырсена. Он рубил и рубил, гроза ему нипочём, подумаешь – несколько капель с неба.

– Я довольна своим гостеванием здесь, – сказала утка. – Чистая река, хороший уход, вкусный пудинг. Но теперь мне пора поторапливаться, у меня встреча. Баклан и гусыня ждут меня на холме.

– Как мы несём яйца? – спросил Утёнок.

– Придёт время – узнаешь, – ответила ему мамаша-утка.

– А очень сложно, чтобы они вышли такие круглые, гладкие и совсем целые?

– Не сложно, но утомительно. Иногда тебе будет хотеться махнуть на юг.

– Ну ничего, как-нибудь обойдётся, – ответил Утёнок, – у нас же будет театр.

– Вот именно, – кивнула утка. – Теперь спустите меня на воздух.

– Тебе бы парашют, – с сомнением заметила Октава.

– Не бойся, всё будет хорошо, – успокоила её утка.

У Простодурсена тоже было беспокойно на душе. Не нравилось ему всё это. Неподъёмная утка, которую надо на носилках затаскивать на гору, а потом скидывать в пропасть. А в утке пудинга набито чуть не до клюва.

– Если ты вернёшься, мы покажем тебе театр, – сказала Октава.

Стоило Октаве открыть рот, как сразу выскакивал этот театр. «Что за напасть такая, – думал Простодурсен. – У нас от старых забот голова кругом идёт, куда нам ещё театр».

Простодурсен держал утку на руках и дрожал всем телом. Он первый раз попал в такую историю.

– Соберись и действуй, – сказала утка.

– Сейчас, – ответил Простодурсен.

– Ты замёрз?

– Нет, – мотнул он головой. – Уже бросать тебя?

– Да, – кивнула утка.

Пятясь, чтобы выиграть место для разбега, Простодурсен вышел из-под спасительной шляпы – и в три секунды промок. Побежал со всех ног к обрыву. Споткнулся о старый камень, растянулся в полный рост и откатился в черничник. Падая, он отшвырнул от себя утку.

– Где она? – вскрикнул Простодурсен.

– Ой-ой-ой! – вопил Утёнок.

Утка падала, прорезая дождь. Всё ниже и ниже. Казалось, ещё минута – и она разобьётся о землю. Но вдруг она резко взмыла вверх. Поднялась выше сосен, ни на одну не напоровшись. И скрылась за тёмными тучами.

– И как это у них получается? – спросила Октава.

– Не знаю, – сказал Простодурсен. – Я вообще ничего не знаю, кроме одного: сейчас мне пора домой – колоть дрова.

– Нет, сейчас мы займёмся театром, – решительно сказала Октава. – Дрова подождут.

– Дрова, может, и подождут, но зима грянет по расписанию, а у меня ни полешка.

– Недостаточно греть стены, надо греть душу и сердце, – ответила Октава.

– Вот именно, – сказал Утёнок.

– Что значит греть душу и сердце? – спросил Простодурсен.

– Скоро поймёшь, – кивнула Октава.

– Нет, – заупрямился Простодурсен, – не пойму.

– У него голова два булька, – крикнул Утёнок.

– Ты не понимаешь, что это значит? – спросила Октава.

– Не понимаю, – сказал Простодурсен. – Греть душу – это как? И чем?

– Если ты, к примеру, скажешь: «Ах, как ты сегодня прекрасно пахнешь!» – мне станет тепло на душе, – привела пример Октава.

Простодурсен повёл носом в её сторону и принюхался. Он почувствовал, что у Октавы новый запах. Она их часто меняла. И вообще слыла мастерицей сочинять запахи.

Этот новый напоминал о лете. В нём была и речка, и разогретый солнцем бульк. Очень приятный запах. Однако вслух Простодурсен этого сказать не мог. Не в его правилах обнюхивать встречных-поперечных, да ещё говорить им об этом.

– Но я никогда тебе такого не говорю, – сказал он Октаве.

– Вот именно. Поэтому нам нужен театр.

– Только из-за того, что я не сказал ничего о твоём запахе? Давай уж я лучше скажу, – предложил Простодурсен.

– Ты ничего не понял, – вздохнула Октава.

– Так я сразу сказал, что не понимаю, – попытался оправдаться Простодурсен.

– Театр – это такая радость!

– Какая?

– Ну такая...

– У-у.

– Голова два булька! – снова крикнул Утёнок.

Октава взяла малыша на руки и повернулась лицом к тучам, лесу, речке и дальним далям.

Утёнок с любопытством пялился вверх на её подбородок и рот.

– Жизнь преподносит нам сюрпризы, – сказала она.

– Что? – встрепнулся Простодурсен. – Утка вернулась?

– Нет. Но как же прекрасна Приречная страна! Простодурсен, взгляни на неё и скажи: что ты видишь? Что чувствуешь?

– Мне всё называть, что я вижу? Боюсь, мы сегодня не управимся.

Утёнок тоже взглянул туда, куда Октава велела смотреть Простодурсену. Но у него закружилась голова, и он зажмурился.

– Нет, – объяснила Октава, – всё перечислять не надо. Просто скажи: что ты чувствуешь? Что творится у тебя в душе в эту минуту на вершине горы?

– Во-первых, я чувствую голод, – обстоятельно подошёл к делу Простодурсен, – и хочу поскорее спуститься в пекарню Ковригсена. Во-вторых, я чувствую холод – и думаю, что скоро зима, а у меня нет дров. Я хорошо ответил?

– Простодурсен, лапочка, бедный ты мой, – сказала Октава. – Театр нужен тебе гораздо больше, чем я думала.

– Ой, бедный, – крикнул Утёнок. – Но ничего, будет ему театр.

Когда они вздумали его жалеть, Простодурсен лучше прислушался к себе и вроде бы что-то такое почувствовал. Может, это как раз сердце греется, подумал он. И решил сказать Октаве про её новый запах. Простодурсен хотел посмотреть, согреют ли Октаву его слова и что с ней от этого станется.

– Ты хорошо пахнешь, – начал он.

– Я? – удивилась Октава.

– Да, – кивнул Простодурсен.

– Простодурчик, это я просто для примера сказала, что в голову взбрело.

– Да? – удивился теперь Простодурсен.

Он заметил, что Октава прячет улыбку. Крохотную улыбочку прятала она в тени шляпы. Но никакого тепла Простодурсен так и не почувствовал. Он мёрз. Ему надоело торчать на этой горе. Хотелось поскорее спуститься в лес и заняться уже дровами.

Если дров не осталось вообще, ищи себе дерево по душе...

Они прихватили табуретку и пошли вниз. Несколько раз чудом не упали. Попробуйте спускаться вниз под горку в дождь втроём под одной шляпой и ни разу не запутаться, где чьи ноги.

– Всё-таки это важная штука – чтобы сердце горело, – сказала Октава.

– Тебе обязательно всё время говорить об одном и том же? Театр греет душу... У меня голова занята совсем другим. Слышишь, как Пронырсен дрова рубит? Ему всего-навсего самому надо согреться, ну а мне Утёнка целую зиму в тепле держать, а в доме ни щепки...

Дождь как зарядил, так и лил. Октаве приходилось то и дело отгибать вниз поля шляпы, чтобы стекла вода. Каждый раз, как Утёнок падал, поскользнувшись, они брали его на руки и нежно дули на ушибленные пёрышки. Лес был насквозь мокрый, везде лилась, капала, хлестала, струилась, сочилась вода. Только под ёлками было сухо. Ёлки стояли как раскрытые зонтики, растопырив лапы.

Наконец они дошли до Пронырсена. Он за это время срубил две сосны и теперь стёсывал с них ветки.

– Видал, Простодурсен? Знатные у меня дрова будут.

– Да уж, – завистливо сказал Простодурсен.

– Зато мы будем греть души и сердца, вот так-то, – сказал Утёнок.

– Кто бы сомневался... – захихикал Пронырсен. – Смотрите только, чтоб у вас носы при этом не отмёрзли.

– Ты не хочешь пойти с нами делать театр?

– Театр? Нет, мне дурака валять некогда. Меня дрова ждут, зима будет холодная.

– Слушай, слушай, Октава, – наставительно сказал Простодурсен.

– Ледяной ветер дует из застывшего сердца, вот что я слышу, – ответила Октава.

– Фуф! Много красивых слов знаешь, – похвалил Октаву Пронырсен.

Простодурсен не сводил глаз с огромной сосны и с замиранием сердца думал, сколько жара напоятся из неё. Но его мечты прервала Октава. Она подхватила Простодурсена под руку и повела к нему домой.

Здесь по-прежнему было холодно и не было дров.

– А без театра никак нельзя? – спросил Простодурсен.

– Никак, – отрезала Октава.

– И как его устраивают?

– Мы переоденемся и будем делать разные штуки.

– А если я переоденусь и начну рубить дрова, это считается театром?

– Рубить дрова? Театр должен быть увлекательным. Он должен согревать сердце.

– Я когда дрова рублю, весь согреваюсь. А уж до чего увлекательно смотреть, как дрова разгораются...

– Ну что ж, пойду домой несолоно хлебавши. Видно, моя судьба – театр одного актёра, – у Октавы дрожал голос. – Ты ничем не лучше Пронырсена. А я так мечтала о настоящем спектакле с королями и принцессой... Прощай.

– Зачем сразу так, – сказал Простодурсен. – Я согласен на немножко театра. Когда нарублю немножко дров.

– Хорошо, руби свои дрова, дровяная твоя душонка. А я пойду к себе и ещё немножко поскучаю.

– Попозже встретимся в пекарне, – кивнул Простодурсен.

– Ёлки-палки-сухостой, – сказал Утёнок. – Раз так, пойду посплю пока.

И они разошлись – кто спать, кто скучать, а Простодурсен пошёл искать свой старый топор и старую пилу. Рубить он решил рядом с Пронырсеном: там он заметил несколько сухих старых сосен. Уже неживых, но напоённых жарким летом былых времён.

Простодурсен отыскал пилу и топор под печкой (он всегда находил их там, потому что всегда клал их туда) и шагнул за порог под дождь.

Прежде чем войти в лес, он остановился под ёлкой и посмотрел на речку внизу. Старую добрую речку. Она текла себе и текла без всяких непонятных слов. Простодурсен решил найти в лесу камешки-бульки и до театра сходить на берег побулькать их в речку.

Простодурсен обожал вот так стоять и мечтать. Вместе с рекой перед ним проплывали прекрасные воспоминания. Как счастлив он был, стоя на берегу в погожий день. Как прекрасно булькал камни в речку на пару с приятным гостем.

Может, зима ещё окажется приятным временем. Если только он успеет заготовить дров, чтобы им с Утёнком не мёрзнуть.

Простодурсен вступил под полог старого леса. Деревья здесь были большие, полные тепла и густого смолистого аромата. Здесь хозяйничал Пронырсен.

– Приветик, – сказал он. – Уже замёрзли?

– Хочу одну из этих сосен попилить, – объяснил Простодурсен.

– Тю, – ответил Пронырсен, – хватился. На них я давно глаз положил.

– У тебя уже столько дров. Тебе ещё надо?

– Зима длинная, Простодурень ты наш. Придётся тебе приискать себе дерево в другом месте.

– Понимаешь, – объяснил Простодурсен, – лучше этих сосен и нет ничего: они уже засохшие, и дрова не надо будет сушить.

– В горах таких полно, – ответил Пронырсен.

– Это очень далеко...

– У тебя под рукой твои старые яблони. Тоже отлично горят.

– Я не могу срубить свои яблони.

– Руби что хочешь, только мои деревья не трогай. Посторонись-ка, я вот это огромное сейчас завалю.

Простодурсен смотрел, как летят щепки из-под топора Пронырсена, и чуть не плакал. Он заметил эти деревья ещё летом, когда бродил по лесу в поисках бульков. И сразу решил срубить их на дрова. Но потом закрутился с этими утками. А теперь Пронырсен заявляет, что все сосны его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.